

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	5
Чем интересны военные режимы.....	5
Об этой книге.....	12
Глава 1. Что такое военный режим	19
1.1. Режимы и страны.....	19
1.2. Власть и влияние	25
1.3. Власть для себя или для других?.....	31
Глава 2. Хронология и география	43
2.1. Военные в политических ролях: истоки.....	43
2.2. Мировые войны и колониальные армии.....	50
2.3. Современные военные режимы: что, где, когда	59
Глава 3. Как предотвращают военные перевороты	73
3.1. Либеральная модель гражданского контроля.....	73
3.2. Гражданский контроль и авторитаризм	82
3.3. «Модель проникновения».....	91
Глава 4. Военный переворот и правящая коалиция военного режима	107
4.1. Военные перевороты в сравнительной перспективе	107
4.2. Технология успешного переворота	114
4.3. Как проваливаются перевороты	127

Глава 5. Цели военных у власти	143
5.1. Зачем военные захватывают власть	143
5.2. Краткосрочные цели	150
5.3. Долгосрочные цели и программы	163
Глава 6. Устройство военных режимов	179
6.1. Проблемы институционализации военных режимов	179
6.2. Формальные институты	192
Глава 7. Имитационные институты	203
7.1. Имитация партийных режимов	203
7.2. Мягкий электоральный авторитаризм	216
7.3. Жесткий электоральный авторитаризм	229
Глава 8. Завершение военных режимов	239
8.1. Режимные трансформации.....	239
8.2. Причины недолговечности военных режимов	247
Глава 9. Военные режимы и демократия	261
9.1. Разнообразие путей от военного режима к демократии	261
9.2. Сложные процессы демократизации	272
Заключение	283

ВВЕДЕНИЕ

ЧЕМ ИНТЕРЕСНЫ ВОЕННЫЕ РЕЖИМЫ

Количество военных режимов в современном мире растет. О динамике процесса красноречивее всего свидетельствует тот факт, что в 2020–2023 годах в мире произошло столько же успешных военных переворотов, сколько их было за все предыдущее десятилетие. Такой вывод можно сделать из таблицы 1, в которой представлены данные об успешных военных переворотах (то есть событиях, увенчавшихся приходом военных к власти) и попытках переворотов, предпринятых в мире с 2010 года. В таблицу внесены только данные о сменах власти, совершенных при решающем участии вооруженных сил, но не политических партий, массовых движений, повстанческих армий и т. д. Сведения даны по годам, а внутри строк расположены в хронологическом порядке.

Однако в какой-то момент в прошлом казалось, что военные режимы на грани вымирания. Важную роль тогда сыграли глобальные тенденции: некоторые параллельные тренды, развертывавшиеся во внутренней политике больших групп стран, а также явления на уровне системы международных отношений. Центральную роль в, казалось бы, наметившейся тенденции к вымиранию военных режимов сыграла волна демократизации, охватившая в 1980-х годах Латинскую Америку. В 1970-х годах этот регион был главным средоточием военных диктатур — они там существовали почти повсеместно. Однако в 1980-х годах почти все латиноамериканские страны

Таблица 1. Успешные перевороты (*) и попытки переворотов в странах мира (2010–2023)

2010	Нигерия*, Гвинея-Бисау, Мадагаскар
2011	Бангладеш, Нигерия, Конго (Киншаса), Гвинея-Бисау
2012	Папуа — Новая Гвинея, Мали*, Гвинея-Бисау*, Габон, Судан
2013	Эритрея, Бенин, Коморские острова, Чад, Египет*
2014	Лесото, Таиланд*, Гамбия
2015	Бурунди, Буркина-Фасо
2016	Турция, Буркина-Фасо
2017	Зимбабве*
2018	–
2019	Габон, Судан*
2020	Мали*
2021	Мьянма*, Нигер, Мали*, Гвинея*, Судан
2022	Буркина-Фасо*, Гвинея-Бисау, Мали, Сан-Томе и Принсипи, Гамбия
2023	Нигер*, Габон*, Буркина-Фасо, Гвинея-Бисау

перешли к гражданскому и, как правило, демократическому правлению.

Произошло это преимущественно по внутривнутриполитическим причинам, хотя был и сильный внешний фактор: изменение в США отношения к военным режимам, активно влиявшим на латиноамериканскую политику того периода. Примерно до середины 1970-х годов американские власти рассматривали военные диктатуры как полезных союзников в борьбе с мировым коммунизмом в соответствии с приписываемой журналистами Франклину Делано Рузвельту фразой, якобы сказанной о правителе Никарагуа Анастасио Сомосе: «Да, он сукин сын, но он наш сукин сын» (эту фразу, существующую в разных редакциях, также приписывают ряду других американских

государственных деятелей). Известно, что США прямо способствовали установлению военных диктатур в Чили и в некоторых других странах.

В 1977–1981 годах, при администрации Джимми Картера, установки стали другими. Американская поддержка уже существовавших военных режимов ослабла до такой степени, что в некоторых случаях настоятельные рекомендации США перейти к демократии прямо способствовали этому, а новые попытки латиноамериканских военных захватить власть обычно не получали одобрения Вашингтона. В дальнейшем внешняя политика США претерпела немало изменений, но отношение к военным переворотам и режимам оставалось в целом негативным. Это отразилось на политике крупнейшего в Западной полушарии регионального объединения, Организации американских государств (ОАГ), первоначально на неформальном, а затем и на формальном уровне.

В 1991 году ОАГ была введена норма, обязывающая ее руководящие органы принимать меры в случае «внезапного или внеочередного прерывания демократического политического институционального процесса или законного осуществления власти демократически избранным правительством любого из государств — членов ОАГ» (так сформулировано в принятой тогда резолюции Генеральной ассамблеи ОАГ). В 1992 году в устав организации были внесены изменения, введившие жесткие ограничения на участие в работе ОАГ тех стран, где процесс демократизации можно было рассматривать как прерванный. Однако такие ограничения весьма болезненно сказываются на международном статусе и экономической жизни этих стран. Военные перевороты в Латинской Америке еще случались, но их количество резко сократилось.

Еще более ощутимый удар по практике военного вмешательства в политику нанес крах коммунистических режимов в СССР и странах Восточной Европы. Особенно сильным оказался эффект от этих событий во втором крупном регионе, где

были распространены военные режимы, — в Африке. До конца 1980-х годов многие африканские военные диктатуры успешно имитировали советскую систему, создавая как бы правящие (но на деле подконтрольные военным) партии, причем необязательно левого толка. Привлекательной для военных у власти зачастую была не идеология, а сама модель однопартийного государственного устройства. С исчезновением СССР эта модель вышла из моды. Немало военных режимов сохранились, но начали имитировать демократию путем проведения несвободных выборов, так что многие западные наблюдатели и спонсоры перестали рассматривать их как диктатуры. Однако нередко переход африканских стран к демократии оказывался не имитационным, а вполне реальным. Так что число военных режимов в Африке реально сократилось.

Негативное отношение к военным переворотам нашло отражение в серии документов, принятых с начала 1990-х годов объединением стран, называвшимся Организацией африканского единства (ныне Африканский союз). В 1999 году было принято решение об отстранении государств с военными режимами от всех органов и мероприятий организации, а в 2000 году за этим последовала так называемая Декларация Ломе, которая конкретизировала понятие военного переворота и установила, что незаконно удерживающие власть правительства не будут признаваться государствами — членами союза. Надо заметить, что африканская региональная организация значительно слабее американской и ее решения часто исполняются далеко не досконально. Но в 2000-х годах на общее стремление многих правительств континента положить конец военным переворотам наложилась специфическая модель отношений внутри организации, в центре которой находился тогдашний лидер Ливии Муаммар Каддафи.

Репутация Каддафи как возмутителя спокойствия и спонсора терроризма, в итоге стоившая ему жизни, широко известна и отнюдь не лишена оснований. Однако не все его действия

носили деструктивный характер. В 1970–1980-х годах Каддафи оказывал щедрую поддержку вооруженному движению против апартеида в ЮАР. После падения власти белого меньшинства Южная Африка, будучи самой богатой страной континента, естественным образом выдвинулась на роль самой авторитетной участницы регионального объединения. Лидеры ЮАР были по-прежнему благодарны Каддафи и считали его своим другом.

У самого Каддафи появились сильные мотивы к заинтересованности в африканских делах. В 1992 году, после взрыва самолета над шотландским городом Локерби (к нему был причастен Каддафи), ООН ввела широкомасштабные санкции против Ливии. В арабском мире, жившем в середине 1990-х годов ожиданием окончательного разрешения конфликта с Израилем на основе достигнутых в Осло соглашений, радикальная антиизраильская политика Каддафи стала причиной его изоляции. В этих условиях Каддафи нашел в Африке новую площадку для приложения своей неугасимой энергии, а власти ЮАР использовали свой авторитет для того, чтобы поддержать такую переориентацию давнего партнера. В 1998 году страны Африки приняли коллективное решение, которое фактически означало отказ от выполнения санкций ООН против Ливии.

Каддафи начал активно налаживать связи с политиками Черной Африки и способствовал более активной региональной интеграции, которая в 2002 году вылилась в преобразование Организации африканского единства в Африканский союз. В 2009 году, после избрания Каддафи председателем организации, он выдвинул еще более революционную идею о создании Соединенных Штатов Африки. Впрочем, влияние Каддафи на африканские страны основывалось далеко не только на его формальных ролях, декларативных намерениях и личной энергии. Решающее значение имели гигантские нефтегазовые доходы, которые Ливия продолжала получать

вопреки санкциям. В Африке, как и везде, деньги легко конвертируются во влияние. Но тогда встает вопрос: на кого влиять, если не хочешь потерять свои инвестиции? В начале 2000-х годов ответ Каддафи состоял в том, что лучше сотрудничать с законными правительствами. Хотя сам он пришел к власти в Ливии в результате военного переворота, новые перевороты он не поддерживал. Пока Африканский союз де-факто управлялся тандемом Ливии и ЮАР, возможные инициаторы таких предприятий были вынуждены проявлять сдержанность.

Таким образом, в двух регионах — Латинской Америке и Африке — международный климат не благоприятствовал вмешательству военных в политику. Схожую линию проводили и общеевропейские структуры, но в Европе это не имело большого практического значения, поскольку военные перевороты там оставались за рамками реальной повестки дня. В Азии эффективные международные механизмы для предотвращения переворотов были бы актуальны, но так и не сформировались. Однако важнее всего то, что в 2010-х годах начался постепенный демонтаж таких механизмов в Африке. Ключевую роль тут сыграло свержение Каддафи в Ливии в 2011 году, после чего Африканский союз ослаб, а стремившиеся к захвату власти военные почувствовали себя гораздо свободнее. И действительно, за немногими исключениями (хотя и значительными, вроде Мьянмы и Таиланда) представленные в таблице 1 страны — африканские, причем некоторые из них фигурируют там несколько раз. Хотя региональная причина того, что возвращение военных режимов началось с Африки, для нас ясна, прослеживается и более общий фактор, который в будущем может дать о себе знать и в других частях света. Речь идет о смягчении международных правил игры. Впрочем, лучше было бы использовать формулировку Кена Джовитта, который еще в 1990-х предсказал возникновение «нового мирового беспорядка».

В мире происходит много событий, на фоне которых военные перевороты в периферийных странах просто не кажутся заслуживающими внимания. Но такое отношение мне трудно признать оправданным. Распространение военных режимов, если оно будет продолжаться, в дальнейшем сможет серьезно сказаться на политической атмосфере во всем мире.

Говоря о практических причинах интереса к военным режимам, нельзя не отметить, что как раз российскому политическому руководству отнюдь не свойственно пренебрежение тенденцией к росту их числа. Африканские страны, где такие режимы установились за последнее десятилетие, — Буркина-Фасо, Гвинея, Мали, Нигер — вошли в число наиболее близких, привилегированных внешнеполитических партнеров России. Некоторые страны, где военные режимы существуют уже давно, — Алжир, Египет, Конго-Браззавиль, Судан, Экваториальную Гвинею — можно охарактеризовать как старых друзей. Причин у такой дружбы несколько, и это не только экономическое проникновение России в Африку, которое лишь косвенно обусловлено политическими особенностями отдельных стран. Важнее то, что военные режимы этих стран обычно состоят в сложных отношениях с США и бывшими колониальными метрополиями, а зачастую и с соседями, находя в России вполне приемлемую альтернативу с точки зрения военно-политического сотрудничества. Впрочем, это касается не только африканских стран, но и других: например, Мьянмы. На данный момент многие военные режимы являются близкими друзьями российских властей, а таких друзей надо знать не хуже, чем врагов.

ОБ ЭТОЙ КНИГЕ

За моим решением написать эту книгу стоят некоторые личные обстоятельства. С них и начну. Во второй половине 1970-х годов, когда я был подростком и жил в стране под названием СССР, я заинтересовался политикой. Такой интерес у молодых людей того времени был не то чтобы широко распространенным, но и не особенно редким явлением. Обычно это увлечение не свидетельствует о предрасположенности к политике как профессии: те, кого в детстве интересуют пауки, иногда становятся арахнологами, но четырьмя парами конечностей не обзаводятся. А поскольку внутренней политики в стране не было (то есть была, но о ней что-то знали лишь немногие, и обычно не подростки), то я интересовался политикой зарубежных стран. Информация о ней поставлялась в изобилии, было бы желание ее получать. Я читал журналы (от «Нового времени» до академических изданий вроде «Азия и Африка сегодня»), справочники и книги, но главным источником информации, естественно, были СМИ. И я говорю не только о советских печатных СМИ и телевидении, но и о зарубежных радиостанциях, вещавших на СССР. А СМИ тогда постоянно писали и говорили о военных диктатурах и переворотах.

Военные стояли у власти во многих странах мира, и в большинстве случаев эти режимы подвергались в советских СМИ весьма острой критике, да и западные радиоголоса их не очень жаловали, особенно когда речь заходила о Латинской Америке. Что касается военных переворотов, то они — успешные или безуспешные — случались практически ежемесячно, а то и чаще. Для внешнего наблюдателя это были интересные, красочные события. Они привлекали внимание и поддерживали интерес к политике. Потом ее изучение стало моим профессиональным выбором. Однако в 1990-х годах, когда у меня появилась реальная возможность сделать этот выбор, военные режимы надолго перестали меня интересовать. Основными сферами

моих интересов стали политические партии и выборы в условиях демократии, а также соответствующие сегменты российской политики. К сожалению, в XXI веке происходят события, вернувшие интерес к авторитарным режимам, так что мне пришлось вспомнить о старых увлечениях. Ведь военные режимы — это одна из исторически заметных разновидностей авторитаризма.

В этой книге я концентрируюсь не на практической актуальности изучения военных режимов, а на их значении для более общего понимания современной политики. В этом смысле она является продолжением моей предыдущей работы «Политические режимы и трансформации»*. Настоящая книга тоже научно-популярная, но в ней в большей степени, чем в предыдущей, акцент делается на научность, а не на популярность. Книга охватывает широкий круг стран за значительный хронологический период, главным образом с 1945 года по настоящее время. Сравнительный метод применяется в основном при использовании примеров из жизни отдельных стран и их теоретическом осмыслении. Такое применение сравнительного метода один из его классиков в политологии, Аренд Лейпхарт, назвал систематической сравнительной иллюстрацией. Соответствующая исследовательская практика появилась, конечно, задолго до концептуализации Лейпхарта. Непревзойденным по сей день примером остается, на мой взгляд, книга Мориса Дюверже «Политические партии».

Я отдаю дань и более строгому сравнительному анализу, делая лишь несколько уступок популярному жанру. Общетеоретической основой книги служит теория рационального выбора, хотя я стараюсь не обрушивать на читателя жаргон и метафорический ряд, свойственные этому направлению и примыкающим к нему областям философии. Другая важная теоретическая позиция этой книги состоит в том, что в социальных процессах

* Голосов Г. В. Политические режимы и трансформации: Россия в сравнительной перспективе. — М.: Рутения, 2024.

нет детерминизма. Все, чего мы не можем исключить в теории, может произойти. В политике (да и вообще в истории) ни один исход не предрешен и любое развитие задается не столько объективными обстоятельствами (хотя они важны), сколько целенаправленными действиями участников социальной жизни, то есть людей и групп. Поэтому в книге много не только цифр, но и имен и названий.

Вероятность различных исходов, даже если каждый из них теоретически возможен, не одинакова. Насколько вероятно то или иное развитие событий, помогает судить количественный анализ. У него есть свои ограничения. Главное — в том, что этот анализ консервативен. Здравый смысл подсказывает, что нельзя судить о возможном будущем, опираясь исключительно на знания о прошлом. Но именно на них основан статистический анализ данных. Возможно, при использовании больших данных, то есть постоянно обновляющихся в режиме реального времени, можно было бы смягчить эту проблему. Но политика пока не генерирует большие данные по этой тематике, которая действительно важна и интересует большинство ученых, так что незаменимыми остаются массивные информационные ресурсы, аккумулирующие исторические сведения о социальных процессах. Некоторые из таких баз данных я использовал при работе над книгой.

Я не стремлюсь навязать читателю какую бы то ни было политическую программу или систему оценок. Моя задача не столько объяснить, как именно нужно трактовать обсуждаемые явления, сколько предоставить читателю эффективный инструментарий для самостоятельного анализа. Некоторые оценки, все же присутствующие в книге, особенно в заключительной главе, преследуют лишь цель прояснить особенности военных режимов по отношению к другим политическим режимам современности.

При строгом соблюдении научного стандарта мне пришлось бы подкреплять каждый из сообщаемых мною фактов

ссылкой на источник. Так было в моей недавней англоязычной книге (Golosov, Grigorii V. *Authoritarian Party Systems: Party Politics in Autocratic Regimes, 1945–2019*. Singapore: World Scientific, 2022), где список использованной литературы занимает несколько десятков страниц. При издании книги на русском языке такого не выдержал бы ни один издатель, кроме сугубо академических, — хотя бы потому, что это увеличило бы ее объем и цену примерно на треть. Да и читателю пришлось бы нелегко. Поэтому ссылки в тексте отсутствуют. Таким образом, я обрекаю читателя верить или не верить мне на слово. В оправдание могу лишь сказать, что при изложении фактов я не полагался на собственную эрудицию и память, чем часто грешат ученые-теоретики, иллюстрируя примерами свои рассуждения. Представленные в книге факты проверялись по всевозможной доступной литературе. Разумеется, это не гарантирует отсутствия возможных ошибок. Ведь нередко одни и те же факты в разных источниках бывают представлены по-разному, а средства проверки не всегда надежны, так что приходится выбирать те версии, которые кажутся наиболее убедительными. Но наличие обширного библиографического списка не устранило бы эту проблему.

Все же элементарная научная этика побуждает меня дать ссылки на основные базы количественных данных, использованные при работе. Вот они.

- База данных «Автократические режимы (версия 1.2)» (ГРФ): Barbara Geddes, Joseph Wright, and Erica Frantz. *Autocratic Breakdown and Regime Transitions: A New Data Set. Perspectives on Politics*, 2014, 12(2), pp. 313–331. <http://sites.psu.edu/dictators/>.
- База данных «Государственные перевороты» (ГП): Buddy Peyton, Joseph Bajjalieh, Dan Shalmon, Michael Martin, Jonathan Bonaguro, and Scott Althaus. *Cline Center Coup d'État Project Dataset*. Cline Center for Advanced Social

Research. V.2.1.3. February 27. University of Illinois Urbana-Champaign, 2024. <http://clinecenter.illinois.edu/project/research-themes/democracy-and-development/coup-detat-project>.

- База данных «Субъектность и механизмы переворота» (СМП): Holger Albrecht, Kevin Koehler, and Austin Schutz. Coup Agency and Mechanisms (CAM) Codebook (v3.0), 2022. <http://militarycoups.org/Codebook-v3.0.html>.
- База данных V-Dem: Michael Coppedge et al. V-Dem [Country-Year/Country-Date] Dataset v13. Varieties of Democracy (V-Dem) Project, 2023. DOI: 10.23696/vdemds23.

В порядке предельно краткого обзора имеющихся исследований могу отметить, что в русскоязычной литературе незамеченной, на мой субъективный взгляд, остается книга Георгия Мирского (Мирский Г. И. Третий мир: Общество, власть, армия. — М.: Восточная литература, 1976). Англоязычная литература об участии военных в политике обширна. Классическими считаются обобщающие книги Сэмюэла Файнера (Finer, Samuel E. *The Man on Horseback: The Role of the Military in Politics*. London: Pall Mall Press, 1962), Эрика Нордлингера (Nordlinger, Eric. *Soldiers in Politics: Military Coups and Governments*. Englewood Cliffs: Prentice Hall, 1977) и Эдварда Латтуэка (Luttwak, Edward N. *Coup d'État: A Practical Handbook*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1979). Обстоятельный обзор литературы, включая новейшую, можно найти в недавнем энциклопедическом издании (Nassif, H. B., and Thompson W. R. *The Oxford Encyclopedia of the Military in Politics*. Oxford: Oxford University Press, 2022).

Структура книги такова. В первой главе я ввожу понятие военного режима в рамках более широкой типологии, то есть теоретически очерчиваю круг обсуждаемых в книге явлений. Во второй главе дан исторический обзор военных режимов,

выделены некоторые основные факторы их распространения после Второй мировой войны и охарактеризована динамика этого процесса. В третьей главе раскрыты модели гражданского контроля как механизма предотвращения вмешательства военных в политику. Четвертая глава посвящена военному перевороту как способу установления военного режима, выделены причины удач и неудач при попытках военных захватить власть. В пятой главе обсуждаются цели и программные установки военных у власти. В шестой главе предметом анализа служат проблемы внутреннего устройства военных режимов с акцентом на их институционализации. Седьмая глава продолжает эту тематику, уделяя основное внимание формальным институтам военной диктатуры. В восьмой главе представлена теоретическая модель завершения военных режимов и происходящих при этом политических процессов. В фокусе внимания девятой главы находятся способы завершения военных режимов, результатом которых становится демократизация.

При изложении материала я широко использую фактический материал из истории отдельных стран, преимущественно недавней. Некоторые из таких очерков краткие, сосредоточенные на отдельных иллюстративно важных эпизодах политического развития этих стран, другие же представляют собой полноценные кейс-стади. Для удобства читателя (и в качестве суррогата предметного указателя) ниже дан список стран, которым в книге уделяется более или менее значительное внимание. Не во всех этих странах в течение изучаемого периода устанавливались военные режимы, но попадание в список означает, что по каким-то причинам данный случай важен для моего анализа. Простого упоминания в качестве одного из примеров было бы недостаточно. В скобках даны номера разделов, в которых затронуты соответствующие случаи.

Всего в списке 63 страны: Алжир (7.1, 7.2); Аргентина (1.2, 5.3, 6.1, 8.2); Афганистан (1.3, 4.2); Бенин (Дагомей) (5.3, 9.1);

Боливия (6.2); Бразилия (4.2, 5.3, 7.2, 9.2); Буркина-Фасо (5.3); Бурунди (4.2); Великобритания (2.2); Венесуэла (3.2); Габон (4.2); Гаити (1.1); Гамбия (4.2, 9.1); Гана (4.2, 5.2, 6.2, 9.1); Гватемала (7.2, 9.1); Германия (3.2, 6.1); Греция (5.3); Доминиканская Республика (7.1); Египет (4.2, 4.3, 6.1, 9.2); Израиль (3.3); Индия (2.2); Индонезия (7.3); Иордания (3.2); Ирак (7.1, 8.2); Иран (1.2, 3.2); Китай (1.1, 3.3); Колумбия (1.1); Конго-Браззавиль (1.3); Конго-Киншаса (Заир) (2.3, 5.3, 6.1, 7.1); Кот-д'Ивуар (3.2); Куба (5.2); Либерия (6.1); Ливия (4.3, 6.2); Мадагаскар (5.3); Марокко (3.2, 4.3); Мьянма (Бирма) (5.2, 5.3, 7.1, 8.2); Нигер (1.2, 4.2); Нигерия (5.2, 8.2, 9.1); Пакистан (5.2, 6.2); Перу (6.2, 8.2); Польша (3.3); Португалия (9.1), Россия (1.3, 3.3); Сальвадор (9.1), Сирия (5.3, 7.1); Сомали (5.1, 5.3); Судан (3.2); Суринам (8.2); Сьерра-Леоне (9.1), США (3.1, 3.3, 5.1); Таиланд (1.3); Танзания (3.3); Того (2.3); Турция (4.3); Уганда (2.2); Уругвай (5.2); Франция (2.2); Центрально-Африканская Республика (1.1, 8.2); Чили (4.2, 5.3, 6.1, 9.2); Эквадор (4.2); Эфиопия (7.1); Южная Корея (9.2); Япония (3.1).

ГЛАВА 1

ЧТО ТАКОЕ ВОЕННЫЙ РЕЖИМ

1.1. РЕЖИМЫ И СТРАНЫ

Любое исследование надо начинать с определений. Ведь если их нет, то о чем угодно можно сказать что угодно. Если вопрос в том, что такое военный режим, то надо определить сначала политические режимы вообще, а потом военные режимы как таковые. Первая задача упрощается благодаря тому, что существенную часть своей книги «Политические режимы и трансформации: Россия в сравнительной перспективе» я посвятил как раз вопросу о природе политических режимов. Поэтому в подробности вдаваться не буду, просто процитирую: «Политические режимы — это, в самом кратком определении, модели приобретения и утраты политической власти». Основные политические режимы современности — это демократия и несколько разновидностей авторитаризма. В их числе монархия, партийный и военный режимы.

В условиях демократии модель приобретения и утраты политической власти основана на волеизъявлении народа, осуществляемом путем голосования, то есть на выборах. В условиях авторитаризма власть приобретается и утрачивается несколькими способами, которые и определяют разнообразие авторитарных режимов. Выборы в число этих способов

не входят. Это не значит, что выборов нет. Они могут проводиться и в современном мире, как правило, проводятся. Но в авторитарном обществе их главная задача — не передавать власть от одного правителя к другому, а помогать удерживать ее тем, у кого она уже есть. Хотя такие выборы полезны для автократии, без них можно обойтись. Поэтому авторитарные режимы каждого из трех типов можно разделить на электоральные и неэлекторальные.

При неэлекторальных режимах выборы тоже бывают, но они даже формально не проходят на конкурентной основе. В избирательном бюллетене присутствует только одна партия или выдвинутый ею кандидат. Бывают и такие режимы, которые допускают существование так называемых партий-сателлитов, получающих свою долю политического представительства не по результатам выборов, а согласно квотам, установленным для них властями, без учета волеизъявления избирателей, которые все равно могут проголосовать только за одного кандидата. В качестве примеров можно привести бывшие коммунистические режимы некоторых стран Восточной Европы, а сегодня такой модели, хотя и в несколько модифицированном виде, продолжает придерживаться Сирия.

Электоральные режимы допускают на выборах ограниченную конкуренцию, которая в обычных условиях не ведет к сменяемости власти, но все же дает избирателям некоторую, весьма ограниченную, возможность продемонстрировать свои политические предпочтения. В условиях таких режимов легальная оппозиция подконтрольна властям в несколько меньшей степени, чем при неэлекторальном авторитаризме, но настоящая оппозиция, которая может представлять угрозу для властей, к выборам, как правило, не допускается. Это — главный пункт обширного набора нечестных приемов, так называемого меню манипуляций, находящегося в распоряжении любой электоральной автократии. Но другие пункты тоже имеют значение: нужные результаты выборов обеспечиваются

с помощью многих дополняющих друг друга инструментов, от принуждения к голосованию до прямой фальсификации результатов выборов.

Выборы сказываются на функционировании авторитарных режимов трех основных типов, но их природы не меняют, поскольку не особенно важны для них. Для электоральной персоналистской автократии, которую можно рассматривать как четвертую категорию, несвободные выборы служат определяющим признаком. Этот режим характеризуется тем, что правитель приходит к власти в условиях демократии, но затем узурпирует власть и продолжает ее сохранять, а потом передает преемнику путем несвободных выборов. Это явление ненормальное и нередкое. Однако до начала 1990-х годов такие режимы были, как правило, недолговечными. Скажем, они в массовом порядке начали формироваться в Африке после ее деколонизации, но затем либо трансформировались в партийные, либо были сметены военными переворотами. В последние десятилетия продолжительность существования таких режимов растет. Подробнее об этом можно прочитать в моей упомянутой выше книге «Политические режимы и трансформации: Россия в сравнительной перспективе».

Я определяю военный режим так: «Режим, при котором власть в общенациональном масштабе или решающее влияние на национальный процесс принятия основных политических решений приобретает структурами, способными к легитимному применению вооруженного насилия, удерживается этими структурами и передается внутри совокупности этих структур». Это определение длинное и скучное, но оно позволяет понять, какие режимы можно называть военными, а какие таковыми не являются. Проиллюстрирую это на примерах.

Почему для характеристики того или иного режима как военного важно, чтобы приобретенная им власть осуществлялась в общенациональном масштабе? Потому что если она осуществляется только на отдельных территориях в международно

признанных пределах данного государства, то речь должна идти не о государстве с тем или иным политическим режимом, а о стране, которая находится в процессе территориальной дезинтеграции. За такими странами в политической науке зарезервирована категория *несостоявшееся государство*. В подавляющем большинстве случаев несостоявшиеся государства находятся в состоянии гражданской войны. Понятно, что если территория страны разделена между воюющими группировками, то в каждой из них максимальной властью обладают военно-политические лидеры, которых иногда называют полевыми командирами. Однако совокупность полевых командиров не образует военного режима. Собственно говоря, в таких странах вообще нет политических режимов, потому что режимы могут существовать только на национально-государственном уровне.

Несостоявшееся государство — это не окончательный диагноз, а состояние, которое, как правило, со временем заканчивается. Поэтому начну с примера государства, которое сегодня несостоявшимся никто не назовет: Китая. В прошлом веке эта страна пережила так называемую эру милитаристов. Она наступила в 1916 году после смерти диктатора Юань Шикая и, как считается, закончилась в 1928 году после объединения многих китайских территорий под властью партии Гоминьдан. Впрочем, это объединение так и не было доведено до конца вплоть до установления в стране коммунистического режима и распространения его власти на окраинные земли.

На пике «эры милитаристов» страна распалась на отдельные провинции или группы провинций, во главе большинства которых стояли местные военачальники, де-факто или даже на уровне деклараций не подчинявшиеся центральному правительству. Как правило, «милитаристы» оправдывали свое название в том смысле, что они действительно были профессиональными военными. Однако отдельные территории находились под контролем лидеров политических партий

(Гоминьдана или Коммунистической партии Китая), которые были не военачальниками, а профессиональными политиками, преследовавшими партийные цели. Хотя в развитии каждой из провинций в течение того периода можно выявить некоторые закономерности, присущие динамике военных или партийных режимов, понятно, что базовую логику политического развития страны задавала сама ситуация территориального раскола. Эта логика была упразднена после создания в 1949 году Китайской Народной Республики.

Несостоявшихся государств в современном мире довольно много. Наиболее известное — Сомали, где территориальный раскол и боевые действия между отдельными военно-политическими группировками продолжаются почти непрерывно с конца 1980-х годов по сей день (с краткой передышкой в 2006–2009 годах). Другой пример — Центрально-Африканская Республика (ЦАР). Там гражданская война идет в режиме нон-стоп с 2012 года. В начале 2024 года примерно половину территории страны контролировали силы, более или менее лояльные президенту Фостену-Арканжу Туадера, включая регулярную армию страны, военную миссию ООН, остатки ЧВК «Вагнер» и подготовленных вагнеровцами местных отрядов (так называемых черных русских). К этому надо добавить природоохранных рейнджеров в национальных парках и обосновавшихся в ЦАР повстанцев из соседнего Чада. Многие из этих групп чисто формально признавали власть Туадера — гражданского политика, дважды избравшегося президентом на выборах (впрочем, весьма сомнительных). Другую половину страны контролировали две военно-политические коалиции — мусульманская «Селека» и христианско-анимистская «Анти-Балака», находившиеся в состоянии войны как против правительства, так и друг с другом. Пытаться охарактеризовать режим ЦАР как военный или какой-то иной — неблагоприятное дело, хотя понятно, что ситуацию в стране контролируют те, кто обладает военной силой.

В условиях военного режима контролирующие его структуры должны обладать правом на легитимное применение насилия. В несостоявшихся государствах это правило не соблюдается по определению, поскольку разные стороны вооруженных конфликтов, раздирающих эти государства на части, отказывают друг другу в легитимности. Бывает и так, что сами вооруженные группы не рассматривают себя как легитимных политических игроков, но при этом фактически присваивают власть на отдельных территориях, вышедших из-под контроля правительства. Например, к марту 2024 года около 80% столицы Гаити Порт-о-Пренса контролировали криминальные банды, наиболее влиятельной среди которых считалась группировка Джимми Шеризье, обладателя пугающей клички Барбекю. Понятно, что власть банд опирается на жестокое вооруженное насилие, на что и намекает кличка лидера (впрочем, сам Шеризье объясняет ее тем, что его мать торговала на улице жареной курятиной).

Надо заметить, что чем больше возможности бандитов, тем чаще они претендуют на политические роли, а значит, на легитимность. Самый распространенный риторический прием, используемый для оправдания таких претензий, — утверждать, что банда раздает награбленное беднякам, обеспечивает рабочие места и поддерживает порядок на «своей» территории, что делает ее лидеров объектами народной любви. Особенно охотно к такой робингудовской риторике прибегают лидеры латиноамериканских наркокартелей. Однако до настоящей легитимности тут еще далеко. Следующий шаг — с помощью подкупа и запугивания обеспечить присутствие своих ставленников в выборных и невыборных органах власти. Если это удастся, то банда, не переставая быть бандой, становится в то же время группой влияния.

А поскольку бандиты продолжают полагаться на вооруженную силу, не приходится удивляться, что в этом новом качестве они нередко оказываются партнерами государственных силовых структур, иногда довольно глубоко интегрируясь не только

с органами правопорядка в лице «плохих копов», но и с силовыми структурами, решающими политические задачи. Такая ситуация сложилась, например, в Колумбии в период длительной вялотекущей гражданской войны, продолжавшейся с 1964 по 2016 годы и не вполне закончившейся по сей день. Значительная часть операций против левых повстанцев, которые в ходе этой войны противостояли правительству, осуществлялась не вооруженными силами страны, которым это было вменено в обязанность, а полувоенными добровольческими формированиями, крупнейшим среди которых был «Американский антикоммунистический альянс» (ААА).

Финансирование ААА и других групп такого рода в немалой мере осуществлялось за счет торговли наркотиками, а в число их лидеров входили наркобароны. Постепенно грань между отдельными группами военных, организованной преступностью и крайне правыми вооруженными формированиями практически стерлась. Но до уровня несостоявшегося государства Колумбия не деградировала, потому что левые повстанцы (которые, кстати, тоже не брезговали наркоторговлей) контролировали лишь окраинные и малонаселенные территории страны, в то время как ААА и подобные ему структуры не располагали достаточной политической автономией, оставаясь в фактическом подчинении у военно-политического руководства страны. Они оказывали правительству услуги в борьбе с повстанцами в обмен на возможность заниматься криминальным бизнесом и в этом смысле были важной частью колумбийского политического ландшафта, но иной политической повестки у них не было.

1.2. ВЛАСТЬ И ВЛИЯНИЕ

Обратимся теперь к другой части определения, в которой делается специальная оговорка о том, что при военном режиме военным может принадлежать не власть, а решающее влияние

на процесс принятия решений. Такое бывает, когда военные предпочитают править из-за кулис, что позволяет возложить ответственность за принятие решений на гражданских политиков. Но если само содержание решений зависит в основном от военных, то правомерно говорить о военном режиме. Подобную ситуацию называют *непрямым военным режимом*.

Примером может служить Аргентина 1959–1966 годов. С 1946 по 1955 год у власти в Аргентине стоял Хуан Перон, популярный лидер, во многом определивший дальнейшую траекторию развития страны, но в середине 1950-х столкнувшийся с серьезным сопротивлением со стороны широкой коалиции правых и левых политиков, которым удалось привлечь на свою сторону армию. Страна фактически оказалась в состоянии гражданской войны. Ее пиком стала бомбардировка Буэнос-Айреса, предпринятая выступившими против Перона силами военно-морской авиации Аргентины и унесшая жизни более 300 гражданских лиц. 16 сентября 1955 года произошел переворот, который его инициаторы назвали освободительной революцией: группа военных заговорщиков свергла Перона, вынудив его покинуть страну. На короткое время в стране установилось прямое военное правление. В 1958 году, столкнувшись с неуправляемым экономическим кризисом и массовыми выступлениями противников диктатуры, а также с несколькими вооруженными мятежами, военные предпочли провести выборы и передать власть гражданским политикам.

Отход военных от власти был сопряжен с некоторыми условиями. Ключевыми были отстранение от власти Перона и его сторонников. Экс-президент должен был оставаться в эмиграции, а его партия, которая наверняка выиграла бы выборы, находилась под запретом и не могла выдвинуть своих кандидатов ни на президентский пост, ни в представительные собрания разных уровней. Однако выиграть выборы в Аргентине без поддержки перонистов, явной или неявной, было невозможно. Один из допущенных к президентским выборам кандидатов,

Артуро Фрондиси, заключил тайный пакт с перонистами, заручившись их поддержкой в обмен на обещание политических послаблений и постепенной легализации, и выиграл выборы.

В течение всего президентского срока Фрондиси оставался, можно сказать, слугой двух господ, стараясь угодить военным, влияние которых на политику его администрации оставалось весьма существенным, и в то же время выполнить свои обязательства перед перонистами. Закономерным итогом такого маневрирования стал новый военный переворот, который произошёл в 1962 году. Свергнув Фрондиси, военные вновь передали власть гражданским политикам при условии их отказа от сотрудничества с Пероном, но выполнение этого условия оказалось не под силу и новому президенту. Он знал, что реальным источником голосов на аргентинских выборах были сторонники Перона. В 1966 году в результате очередного военного переворота не прямой военный режим в Аргентине сменился прямым.

В 1959–1966 годах в Аргентине проводились президентские и парламентские выборы, причем они были честными в том смысле, что голоса избирателей подсчитывались без серьезных манипуляций. Побеждали те кандидаты, которые действительно набирали большинство голосов. Почему же мы характеризуем аргентинский режим того периода как военный, то есть авторитарный, а не как демократию? Потому что в течение всего этого периода главное политическое решение, а именно решение о передаче власти, оставалось за военными. Военные не определяли, кто именно победит на выборах, однако спектр альтернатив, предлагавшихся аргентинскому обществу, был ограничен недопущением к власти Перона, который, как все в Аргентине понимали, занял бы президентский пост, если бы выборы были вполне свободными. Это ограничение гарантировалось угрозой переворота, то есть применения вооруженной силы, что и составляет ключевой признак военного режима.

Аргентинский случай не уникален. Непрямые военные режимы существовали в 1960–1980-х годах во многих странах Центральной Америки, о чем подробнее будет рассказано далее.

Выше, приводя примеры, я использовал слово «военные», но в определении речь идет о структурах, способных к легитимному применению вооруженного насилия. Столь многословная формулировка нужна по той причине, что в современном мире нет страны, в которой помимо собственно вооруженных сил отсутствовали бы другие государственные структуры, на законных основаниях располагающие оружием и применяющие его. В России такие структуры часто называют силовиками, и далее я буду время от времени использовать это слово.

К силовикам относятся прежде всего силы охраны правопорядка и государственной безопасности, причем среди тех и других в большинстве случаев выделяются специализированные ведомства, действующие независимо друг от друга и не встроенные в какую бы то ни было единую цепь командования (разного рода разведывательные и контрразведывательные службы, пограничные органы, агентства по борьбе с наркоторговлей, организованной преступностью и пр.). Именно такие структуры зачастую играют ведущую роль при установлении военных режимов, а затем принимают участие и в формировании органов власти военной диктатуры. Кроме того, нередко создаются так называемые парамилитарные организации, которые не входят в официальную структуру вооруженных сил или правоохранительных органов, но при этом по своему устройству подобны им. Вмешательство таких организаций в политику — весьма распространенное явление. Как правило, они и создаются в политических целях. Во многих странах не только на нормативно-правовом, но и на культурном уровне закреплено представление о том, что задача вооруженных сил — защита от внешнего врага и армейским офицерам не пристало вмешиваться в политику. Однако это не касается

военных структур, в обязанность которым вменены охранные функции внутри страны. Такие структуры существуют в большинстве стран мира, хотя называются по-разному. Наиболее широкий обобщающий термин, используемый учеными для их обозначения, — «жандармерия», но на практике чаще встречаются названия «внутренние войска» и «национальная гвардия». Случаи военных переворотов, инициаторами которых служили подобные структуры, многочисленны. Например, важную роль в истории Ирана сыграла «Персидская казачья дивизия», жандармское по своим функциям подразделение, созданное в XIX веке по образцу российских казачьих войск и вскоре превратившееся в наиболее боеспособную вооруженную силу страны. Лидер «персидских казаков», выходец из скромной солдатской семьи Реза-хан в 1920-х годах стал правителем Ирана де-факто, а затем и де-юре, сместив последнего шаха из династии Каджаров и заняв трон под именем Реза-шах Пехлеви.

Любопытно, что зачастую ведущей силой при установлении военного режима оказываются даже не жандармерии в целом, а так называемые преторианские гвардии. В республиканском Древнем Риме преторианцами называли личную охрану главнокомандующего и его палатки (в переводе с латыни *praetorium* — шатер командира в военном лагере). Во времена империи далеко не всем ее главам доводилось жить в палатках, но название закрепилось. И сегодня во многих странах мира есть подразделения, специально созданные для охраны главы государства и других высших чиновников. Склонность таких подразделений к организации переворотов выглядит парадоксально, но своя логика тут есть. Преторианцы всегда базируются в столице страны, в непосредственной близости от правительственных учреждений, и в силу своих функций имеют непосредственный доступ к тем, кого они, в принципе, должны охранять даже в тех случаях, когда приоритеты преторианцев меняются на противоположные. Им проще всего совершить переворот. Вопрос лишь в том, надо ли им это.

Для примера рассмотрим переворот в Нигере, который произошёл совсем недавно, в июле 2023 года. Нигер принадлежит к числу африканских стран, переживших целый ряд военных диктатур, но экспериментировавших и с демократическим правлением. Последнее по времени восстановление демократии произошло там в 2011 году, когда президентом был избран левый политик Махамату Иссуфу. В течение всего правления Иссуфу одним из его ключевых сторонников был командующий специализированным охранным подразделением, которое там называется президентской гвардией, Абдурахман Чиани. При этом Чиани охранял своего президента, что называется, не за страх, а за совесть, предотвратив за 10 лет правления Иссуфу три переворота, либо запланированных, либо даже предпринятых офицерами вооружённых сил. В 2021 году, отслужив два президентских срока, Иссуфу, вопреки распространённой в Африке практике обнуления президентских сроков, оставил президентский дворец. На смену ему пришел представитель той же партии Мохамед Базум.

В общем-то, у Базума не было никаких оснований отказывать в доверии Чиани, который многократно доказал предыдущему президенту свою лояльность и компетентность. Командующий президентской гвардией оставался на своем посту. Но как водится, новый президент начал формировать собственную команду, и на этом фоне его отношения с Чиани стали портиться. Постепенно своих постов в силовых структурах лишились несколько близких к Иссуфу лиц, включая начальников разведывательной службы, Генштаба и жандармерии. Возможно, Чиани решил, что скоро наступит и его черед уйти в отставку. 26 июля 2023 года солдаты президентской гвардии задержали президента Базума. Вскоре было объявлено о его свержении и о создании нового органа верховной власти, Национального совета по охране Родины во главе с Чиани. Некоторые нигерские военачальники сначала попытались противостоять заговорщикам, но затем договорились

с ними и присоединились к новой власти. Так в Нигере установился военный режим.

Надо отметить, что обычно договоренности такого рода достигаются еще на стадии планирования переворота. Какое бы специализированное вооруженное формирование ни выступало его инициатором, способность договориться с другими силовыми структурами, и прежде всего с вооруженными силами, помогает достичь успеха. В этом смысле механика переворота в Нигере была не совсем обычной, но она хорошо иллюстрирует ту мысль, что особая близость преторианцев к власти не мешает им замышлять и реализовывать заговоры против нее.

1.3. ВЛАСТЬ ДЛЯ СЕБЯ ИЛИ ДЛЯ ДРУГИХ?

Ключевая часть определения военного режима, согласно принципу «последнее по порядку, но не по значимости», расположена в конце. Это указание на то, что власть удерживается силовыми структурами и передается внутри совокупности этих структур. Установление авторитарных режимов чаще всего сопровождается тем или иным уровнем вооруженного насилия, осуществляемого силовыми структурами, и эти структуры могут относиться к числу признанных государством. При этом они не всегда стремятся удержать власть, порой добровольно уступая ее тем политическим игрокам, в интересах которых действуют с самого начала. Довольно показательным историческим примером служит Октябрьская революция в России.

Некоторую роль в событиях, которые 6–8 ноября 1917 года произошли в Петрограде, сыграла Красная гвардия — созданные большевистской партией парамилитарные формирования, состоявшие преимущественно из заводских рабочих. Однако основной силой переворота послужили регулярные воинские подразделения Петроградского гарнизона и Балтийского флота.

Свергнув Временное правительство, восставшие сформировали новый правящий орган, Военно-революционный комитет. У власти он не задержался, поскольку уже на следующий день уступил место сформированному большевистской партией совместно с левыми эсерами (формально съездом Советов рабочих и солдатских депутатов) Совету народных комиссаров во главе с Владимиром Лениным. Разумеется, таков и был изначально замысел восстания: его итогом должен был стать не военный, а партийный режим.

В качестве более современного и показательного примера можно рассматривать так называемую Саурскую (Апрельскую) революцию 1978 года в Афганистане. Саурская революция была военным переворотом, оказавшимся неожиданным для международных политических игроков, включая руководство СССР, которое организаторы переворота, афганские коммунисты, не поставили в известность о своем намерении захватить власть. Однако у апрельских событий были не только масштабные последствия, вызвавшие резонанс во всем мире и не в последнюю очередь в самом Советском Союзе, но и длительная предыстория.

С 1933 по 1973 год Афганистан был монархией, которую возглавлял король (падишах) Мухаммед Захир-шах. В течение большей части этого периода власть короля была неограниченной. В 1964 году в стране была введена конституция, предполагавшая передачу некоторых полномочий частично избранному парламенту, но основной объем власти остался за королем. Внешнеполитическая линия Захир-шаха, не без оснований опасавшегося планов британского колониализма в отношении Афганистана, строилась на всестороннем сотрудничестве с СССР. Отсюда два следствия, сыгравшие фатальную роль в судьбе афганской монархии. Во-первых, хотя в Афганистане не было легальных политических партий, действовавшие нелегально коммунисты, которые в 1965 году создали Народно-демократическую партию Афганистана (НДПА),